ФОТОГРАФИЯ ПЕРВАЯ: ПЛЯЖ, 15 ИЮНЯ 1990 ГОДА

Еще ночью в город пришла тяжелая гроза и притащила за собой хвост мрачной, долго висевшей над горизонтом тучи. Гроза ломала деревья, топила в мутных потоках улицы, словно силясь смыть остатки одуряющей, надоевшей всем духоты. Треск грома и воинственный шум дождя задержали утро, но в конце концов тишина и редкая капель за окном победили грозу. Она ушла, оставив после себя чистые дома, вдруг ставшие похожими на кукольные, и полный живительной энергии воздух. Город начал жить с чистого листа.

Если бы не гроза, мы с Сашкой остались бы в городе. Мы не обратили внимания на шум бури, но оба почувствовали волну пропитанного свежей влагой воздуха, потому что двери подвала были открыты.

– Черт знает что, – недовольно проворчал Сашка. – Какая-то есенинская тоска одолевает... Словно хочется сладкой клубники с веточки, а в холодильнике только квас с хреном.

Я отбирал нужные для работы доски, а Сашка сидел на огромном столе и смотрел в мутное окно под потолком.

– С чего это вдруг тоска? – отозвался я.

– Жить скучно.

– Умрешь, веселее станет?

– Я еще не пробовал. А ты?

Я ничего не ответил.

Сашка помолчал и тихо сказал:

– Все, я больше не могу.

Наверное, тогда я не чувствовал ничего, кроме... я не знаю... легкого... туманного... необъяснимого?.. чувства раздражения. Немного странно, но «туманного» подходит больше всего. Я видел только спину Сашки и стены нашего подвала. Они были серыми и тусклыми, как цвет спирали перегоревшей лампочки.

Я в сердцах бросил доску и коротко сказал:

– Поехали.

– Куда? – безнадежно спросил Сашка.

– На пляж. Покажу тебе полуголых девочек, может быть, и повеселеешь.

На этот раз промолчал Сашка, а в его глазах мелькнула тень самой настоящей черной тоски...

Мы промолчали всю дорогу до турбазы «Березка». А о чем нам было говорить? О столах, шкафах, деревянных лестницах и прочих заказах? Они остались там, в подвале. Нашей работе нужны умелые и сильные руки, а не меланхолия. В последнее время мы могли говорить с Сашкой только о работе, и за день наши диалоги не набирали и трех десятков слов.

– Сашка, скоро финиш.

Я сказал это только потому, что нужно было нарушить молчание. Чертова дорога, чтоб тебя!.. Такое ощущение, что мы едем по куску черного масла. Дорога похожа на след от гигантской двузубой вилки, она – две узкие и глубокие колеи

на фоне полегшей травы. Встающий, казалось бы, из-под земли пляжный пейзаж – засыпанная желтым песком баскетбольная площадка и кабинки для переодевания – кажется чем-то привнесенным и чужим.

– Словно гроза пропахала, – говорю я про дорогу.

Правая колея мокрая и глубокая, левая – выше и суше. Машину сильно кренит в сторону.

«...Двумя пальцами пропахала – указательным и большим», – думаю я и неожиданно для самого себя спрашиваю Сашку:

– Сашка, а Бог есть?

Сашка молчит.

Я ору что есть мочи:

– Сашка, скотина, Бог есть или нет?!

Еще секунда и я просто взорвусь от ярости. Это чувство нельзя назвать ненавистью, но нелюбовью, возведенной едва ли не в абсолютную степень, все-таки можно. И я спрашиваю Сашку не о Боге, а о нем самом, потому что у него глаза больного теленка. Он чуть ожил, когда мы вырвались из города, но только на пару фраз, а потом снова замолчал. Это просто космическая тоска какая-то!..

На секунду я ловлю его взгляд, и мне снова, как там, в подвале, становится не по себе.

Сашка усмехается, отворачивается и глухо говорит:

– Бога нет.

– Почему нет?

– А кому он нужен-то?

На первый взгляд речной пляж возле «Березки» кажется не очень уютным: его разрезает надвое идущая вдоль реки проселочная дорога, а нешироkая полоска желтого песка только там, у реки, и она едва видна. Пляж покрыт низкой, вьющейся по земле травой. Он диковат, не очень-то уютен: кое-где видны разбросанные пустые бутылки и следы костров.

Я останавливаю машину в небольшой редкой рощице, метрах в пятидесяти от реки. Тут уже собралось три десятка машин, и я не без труда протискиваю наши старые «Жигули» между березками и багажником мрачно-черной «иномарки».

Мы выходим из машины. Я вдруг понимаю, почему мы приехали на пляж. Здесь тоже пахнет водой, пусть иначе и пусть к этому запаху примешивается запах осоки и болотца, но это... Это большая вода! Это дикая и свободная вода, и она, не усмиренная и невыделанная человеческими руками, не пахнет так, как пахнут в кружке, в ванной или в бочке ее плененные сестры. Вода никогда не может ассоциироваться с тоской, потому что она – вечна и не боится времени. Теперь я понимаю, что это гроза напомнила нам о реке.

– Сашка, ты баран, – я бодро улыбаюсь.

Зачем я это сказал?.. И почему я улыбаюсь? Демонстрирую оптимизм? Ну это вряд ли. Наверное, я все еще хочу разозлить Сашку. Он болен и уже давно – депрессия. Сашка может работать, но это значит только то, что он может выполнять чисто механические, бездумные движения. Если его ни о чем не спрашивать, он будет молчать весь день. Три дня назад я случайно разлил в нашей подвальной мастерской йод, и сильно запахло больницей. Сколько может держаться в помещении запах йода?.. Час, два или десять? У нас он оказался неистребимым и не исчезает до сих пор.

Через пару минут мы с Сашкой ложимся на травку. Мир вокруг состоит из ярко желтого солнца, зеленой травы и чистого, настоянного на запахе реки воздуха. Никакого йода и никакой больницы!

Сашка жует травинку и рассматривает отдыхающих. Я переворачиваюсь на спину и глазею на облака. Приятно полежать вот так, глядя в небо, и ни о чем не думать: ни о перспективах доморощенной столярной «фирмы», ни о срочных заказах, ни о себе, ни о Сашке. Это – свобода. Она совсем крошечная и может уместиться на ладошке.

Сашка сердито ворчит:

– Вот идиоты...

Я переворачиваюсь на живот и прослеживаю взгляд Сашки. Не так далеко от нас группка девчонок – шесть юных особей лет восемнадцати-двадцати. Вокруг них вьются молодые ребята. Даже парочка взрослых мужиков лет тридцати пяти или даже сорока сменила место, чтобы быть поближе к девушкам. Пляжный флирт бездумен, смешлив и невесом.

Я смотрю на пожилых «донжуанов» и спрашиваю Сашку:

– Ты о них, что ли?

Сашка сплевывает травинку:

– Отстань.

Он закуривает и снова смотрит на девушек. Я вдруг понимаю, на кого глазеет Сашка – не на «донжуанов», а на двух чернявых южан. Они стоят чуть дальше, рядом со светловолосой девушкой в голубом купальнике. Южане зовут ее поиграть в волейбол. Девушка смотрит на них, смеется, и ее лицо становится почти детским. И глаза у нее тоже детские: наивные, влажные, как у олененка, и простодушно ласковые. В них нет никакой эмоциональной напряженности девушки на выданье.

В конце концов южане отходят в сторону, и светловолосая девушка остается одна. Она осматривается по сторонам, рассеяно улыбается и поправляет бретельку на хрупком плече.

Я говорю Сашке:

– Очень похоже на первый бал Наташи Ростовой. Можешь не ревновать, к ней больше никто не подойдет.

– Почему?

– Потому что так всегда бывает. Ты «Войну и мир» читал?

У Сашки каменное лицо. Он молча курит и смотрит на «Наташу Ростову». Проходит минута. Я тоже рассматриваю «Наташу», но вскоре мое внимание привлекает другая девушка – красивая брюнетка в красном купальнике с высокомерным и энергичным лицом. Она сидит чуть правее и ближе к реке. Она лет на пять старше «Наташи», красивее и гораздо ярче ее. Брюнетка курит и с любопытством смотрит на Сашку. На секунду мы встречаемся с ней глазами. Девушка невесомо усмехается и переводит взгляд на Сашку. Потом она возвращает взгляд на меня, и я вижу в нем явную заинтересованность.

«Ты понимаешь меня?» – без слов спрашивает меня красавица в красном купальнике.

О пляж, пляж!.. Как там в песне? «Люди встречаются, люди влюбляются, женятся...» Я на секунду представляю себе солидную свадьбу на пляже: все, включая жениха и невесту, в купальниках, и мне становится смешно. Кстати, а в каком купальнике невеста, в голубом или в красном?

Я зову:

– Саш, а Саш!..

– Что?

Я все-таки не сдерживаю смешок:

– Саш, а давай мы тебя женим, а?

– На ком?

– Лично мне это все равно. Просто женим и все.

Сашка болезненно морщится:

– Хватит, уже нахлебался.

– А если на ней? – я показываю глазами на «Наташу Ростову». – Тогда ты станешь Андреем Болконским. Ты уже повидал жизнь, ты – мудр и разочарован... Тебе сколько лет?

Сашка смотрит в землю и говорит:

– Двадцать восемь.

– Ну и нормально. А «Наташе», наверное, всего восемнадцать. Я уже вижу, как после трудной работы ты ешь борщ, а «Наташа» стоит рядом. Она режет хлеб и рассказывает тебе всякие глупости... Например, о том, как она ходила в магазин. Ты что на землю как бык уставился? Подними очи в небо и живи дальше.

– А что дальше?

– Сашенька, ты спрашиваешь так, словно тебе осталось жить не больше недели.

Сашка смотрит на «Наташу»... У него снова больные, страдающие глаза.

«Наташа» улыбается, близоруко щурится, оглядываясь по сторонам, но не видит нас. Она, конечно же, не такая, как энергичная брюнетка в красном, и не замечает уже открыто глазеющего на нее Сашку. Удивительно милая девушка, сама распахнутость и незащищенность.

Мы молчим...

Полгода назад Сашка застукал свою красавицу-жену с ее коллегой. Потом он отсидел месяц в КПЗ за жесткую драку и превратился в вечно хмурого и неразговорчивого старика. Единственный человек, которого он еще согласен терпеть рядом, – я. Рабочий день Сашки – четырнадцать часов, еще два часа на еду и восемь на сон. Дома Сашка практически не бывает. Он спит в нашей мастерской, в крохотной комнате с диваном и телевизором.

– К черту все! – говорит Сашка.

Он опускает глаза и принимается рассматривать траву. Шикарная красавица в красном упрямо «гипнотизирует» Сашку. Когда она снова переводит взгляд на меня, я мгновенно опускаю глаза.

– Сашка, тебе нужен борщ, женское целомудренное внимание и домашний уют. К черту коварных красоток. Посмотри на «Наташу». Ну посмотри же, кому говорю!..

Сашка отвечает, не поднимая глаз:

– Она – дура.

– Почему?

– Потому что она не столько «Наташа Ростова», сколько Снегурочка на выданье. Помнишь, Снегурочке дали волшебного варева, и она влюбилась в первого встречного?

Я думаю... Потом усмехаюсь и отворачиваюсь, чтобы скрыть усмешку. Сашка прав: «пришла пора – она влюбилась». И все!.. Когда человек влюбляется только потому, что пришла его пора, или потому, что ему дали волшебного варева, в этом есть что-то... нет, не нехорошее, а... не знаю... что-то обреченное, но это обреченное видно только со стороны. Ну как воздушный танец бабочек в свете костра. А что потом?..

Но я не сдаюсь:

– Саш, а тебе какая разница? У всех так бывает. Ну с этой... с порой, когда надо влюбляться.

Сашка рассматривает землю под своими локтями. У него темнеет лицо.

– Мне просто противно. Примитив. Тошнит уже от этого.

– Ты просто засиделся в подвале. Пойдем, я познакомлю тебя со Снегуркой по имени «Наташа Ростова».

– И что дальше?

Я начинаю злиться и резко говорю:

– А ничего! То есть так все живут. Ты чего хочешь-то?!.

Мы снова молчим. Проходит минута, вторая, третья. К «Снегурочке Наташе» действительно никто не подходит. Но, по-моему, она не понимает и не чувствует своего одиночества. Потому что это одиночество еще не женское, а детское.

– Хлопает глазищами, как сова, – с неприязнью говорит Сашка.

Ага, значит, он все-таки снова смотрел на «Наташу», хотя со стороны кажется, что он рассматривает только землю под локтями. Ох и глуп же ты, Сашка!.. Сова – хищница, и она знает, чего хочет. Тут, Сашенька, наверняка, есть и такие – например, одна красавица в красном купальнике. Эта «сова» смотрит на тебя, как на беззащитного зайца. И она не беззащитная «Наташа».

Сашка закуривает очередную сигарету.

– «Снегурка» тоже знает, что она хищница, – он кивает на «Наташу». – В ней программа заложена... Ну как в компьютере. А в программе часики: тик-так, тик-так.

– А в тебе не тикает, да?

– Уже нет. Не нужно мне это...

Я открываю рот, чтобы возразить, и вдруг снова ловлю взгляд красавицы в красном купальнике. Этот взор нетерпелив и осуждающе строг.

«О чем ты там болтаешь? – говорят мне женские глаза. – Ты что, языком сюда приехал трепать?.. И разве ты не понимаешь, что стоит мне мигнуть глазом, и возле меня тут же окажется любой, кого я здесь выберу?» Не знаю, насколько я точно «перевел» взгляд красавицы в красном, возможно слишком грубо, но суть все-таки верна.

Живут же люди, а?!. Никаких сомнений и душевных терзаний. Все просто и ясно – «я хочу!», и все.

Я приподнимаюсь на локте и смотрю на Сашку. Я вдруг понимаю, почему он нравится девушкам: у Сашки твердое, мужественное и удивительно привлекательное в этом спокойном мужестве лицо. Сашка похож на античного героя. И вместе с тем он ни черта не собирается предпринять.

– Слушай, Саша...

Я уже готов взорваться от внезапно нахлынувшей злости. Потому что мне все надоело!.. Какая там, к чертям собачьим, из меня нянька?! И к черту все эти философские рассуждения о женщинах, ведь Сашку все сильнее тянет к водке. Утром в его «кабинете» я все чаще нахожу пустые бутылки, а пепельница всегда забита ворохом окурков. Какой-то идиот сказал, что одиночество убивает? Нет, все значительно хуже: оно растворяет человека в пустоте. У Сашки уже крыша едет, а я что могу сделать и как я могу ему помочь?

– Я давно тебе хотел сказать, дорогой мой...

– Поехали, нам пора! – обрывает меня Сашка.

Он встает. Я мгновенно теряю свой боевой задор.

– Подожди, мы еще не купались.

– Поехали!

Сашка идет к машине. Я поднимаюсь на ноги и с бессильной ненавистью смотрю на широкую спину Сашки. Ну, сволочь такая, подожди же!..

И я кричу на весь пляж:

– Девушки, кто замуж хочет?!

Пляж мгновенно замирает. Все смотрят на меня.

Я показываю пальцем на Сашку:

– Сдается в пожизненную аренду работоспособный бугай-производитель. Умеет молчать, работать, есть и спать. Не требует особого ухода.

Красавица в красном смотрит на широченную спину Сашки и громко смеется:

– А бабла у этого бугая много?

– Как у любого работяги – не очень, но на скромную жизнь хватит.

Красавица понимающе кивает:

– Это как в монастыре, что ли?

– Примерно. А что, маловато будет?

Красавица делает серьезное лицо:

– Подумать надо. Ведь на всю жизнь!..

Все смеются, кроме «Наташи». Только она ничего не поняла и, близоруко щурясь, высматривает не Сашку, а что-то там дальше, за ним.

Сашка ждет меня в машине.

– Все сказал? – он курит и не смотрит в мою сторону.

– Заткнись, – я завожу машину и зло рву ручку переключения передач. – Ты про Митюню Грека слышал?

– А что случилось?

– Ужрался водкой. Три дня назад влетел на своем пижонском «Вольво» в пустой киоск рядом с постом ГАИ. Менты заходят в киоск, а там на прилавке сидит Митюня Грек с бутылкой водки. Грек лакает из бутылки и говорит: «Хорошо, как в раю».

Сашка лениво усмехается:

– Это Грек может... Откупится.

– Он-то откупился! – ору я. – А другие? Один милиционер в этом чертовом киоске чуть от перепоя не умер. Утром «скорая» забрала, еле-еле отходили.

– Это называется кушать водку на халяву.

– Никакой халявы нет. Нормальному человеку просто опасно находиться рядом с таким, как Митюня. Как и с тобой!..

Наши «Жигули» выбираются из рощицы и тут же ныряют в другую. Дорога – как после артобстрела.

– Когда ты на пляже орал как резаный, «Наташа» тоже смеялась? – вдруг спрашивает меня Сашка.

– Нет.

– Правда?

– Зачем мне брехать-то? Хотя посмеяться, конечно, есть над чем: приехали, полежали десять минут и ушли. Клоуны на арене цирка дольше выступают.

Сашка смотрит на сигарету и трет ногтем ее горящий кончик.

– Забавно.

Я снова ору:

– Что забавно?!. Что, блин, действительно в цирке, что ли?

Сашка вдруг бледнеет и сдавлено говорит:

– Останови машину.

— Зачем?

– Останови, говорю.

Я торможу. Сашка выходит и резко хлопает дверцей. Он как-то боком пятится в сторону и, резко обернувшись, припадает грудью к ближайшей березе. Его рвет... Рвет так сильно, словно выворачивает наизнанку.

Проходит пара минут. Сашка возвращается. У него бледное, как мел, лицо и слезящиеся, какие-то удивительно светлые глаза.

Сашка останавливается у машины и коротко говорит:

– Поехали назад.

Я жму плечами:

– Зачем? На турбазе умоешься.

Сашка кричит:

– Поехали назад, говорю!

Он споласкивает лицо из фляжки, делает из нее несколько жадных глотков, потом оглядывается и смотрит в сторону пляжа.

Я и не думаю заводить двигатель. Я же не самоубийца!..

Стараясь казаться спокойным, я говорю:

– К твоей «Наташе» поехали, да? Андрей Болконский решил вернуться на бал?

Сашка молча садится в машину.

Я спрашиваю:

– Саш, ты что, сдурел?

Сашка улыбается мне. У него взгляд только что проснувшегося ребенка.

Он говорит:

– Я не знаю. Но это и неважно.

– Боже мой, ты что и в самом деле с той девчонкой познакомиться решил?! Над тобой же весь пляж теперь смеяться будет.

Сашка кивает:

– Пусть. Пусть только попробуют.

– Сашка, я тебя предупреждаю, если ты приблизишься к «Снегурке Наташе Ростовой» ближе, чем на три шага, одна красавица в красном купальнике тут же начнет комментировать твое сватовство. Причем вызывающе громко.

– Какая красавица и зачем ей что-то комментировать? – удивляется Сашка.

– Ты не видел никого, кроме «Наташи». Но вокруг были люди и даже распрекрасные и ревнивые женщины. Надеюсь, ты понимаешь, что женское самолюбие не стоит трогать?

– Я ничего такого не трогал, – взгляд Сашки удивительно светел. – О чем ты говоришь?

– Ни о чем.

Я завожу двигатель, трогаюсь с места и разворачиваю машину... Чуть не задеваю сосну.

– А вообще-то, мне все по барабану, Саша, – говорю я, и мне вдруг становится легче. – Мне бы тебя только с рук сбыть. Короче, будь что будет. Не убьет же она нас.

– Кто?

— Скоро узнаешь. Кстати, Саша, у меня нет женского терпения, самообладания и страсти к самопожертвованию. Хотя я ни на что не надеюсь, ведь пляжная «Наташа Ростова», скорее всего, сбежит от тебя. Она сбежит от насмешек, твоего жалобного взгляда, да и вообще...

Машина проходит впритирку со старым пнем. Молодая поросль нежно царапает дверь.

– Наверное, сбежит, – соглашается Сашка. – Скорее всего, сбежит. Ну и что?..

– Что, ну и что?.. Кстати, Сашка, а Бог есть?

– Сейчас есть.

– Точно есть или ты шутишь?

Сашка молчит. Впереди показывается пляж. Я вдруг ловлю себя на мысли, что очень хочу, чтобы «Наташа» все так же сидела на своем месте и все так же простодушно ласково смотрела по сторонам.

Вслух я говорю:

– Все! Начинается трагикомедия «Сватовство гусара».

Сашка виновато улыбается. Он хочет мне что-то сказать, но только открывает рот и не произносит ни слова.

– Не нужно, пока молчи, – говорю я Сашке. – Если красавица в красном купальнике швырнет в тебя черные очки или шлепанец – терпи. Терпи все, Саша!.. Терпи собственную глупость, неумелость и чужие насмешки. Не знаю, игра ли наша жизнь, но в ней определенно есть что-то сценическое. Поэтому любая роль должна быть доведена до конца...

Я говорю что-то еще, и звук собственной речи окончательно успокаивает меня. Я – верю. Нет, я верю не в то, что «все будет хорошо», а во что-то другое, несопоставимо большее...

Но во что я верю? Я не знаю.

ФОТОГРАФИЯ ВТОРАЯ: ЛЕТНЕЕ КАФЕ, 3 ИЮНЯ 1995 ГОДА

Моей дочке Женечке шесть лет. Поход в кафе для нее праздник, чем-то похожий на бал, и если дома мороженое можно съесть, лежа на диване и глядя в телевизор (как это делает мама), то путешествие в кафе требует определенного ритуала. Женечка надевает самое светлое платьице, не спеша поправляет волосы, причем ее движения становятся более медлительными и чинными, а перед тем, как выйти из дома, дочка довольно долго и оценивающе рассматривает себя в зеркале. Я невольно думаю о том, что если «повторение – мать учения», то подражание – бабушка самопонимания. Подражая взрослым, ребенок учится видеть самого себя.

В кафе немножко душно, может быть, не очень чисто, но Женечка совсем не замечает этого. Болтая ногами и ковыряясь ложечкой в мороженом, она рассматривает посетителей и быстро забывает о домашней благочинности. Она крутит головой направо-налево, и эти свободные до неожиданности движения куда более естественны, чем те, когда Женя стояла у зеркала или, торжественно и ни на кого не глядя, входила в кафе. Маленькая девочка-принцесса вошла в большой мир и вдруг снова превратилась просто в девочку. Ей снова интересно все на свете: шумные ребята за соседним столиком, вентилятор на потолке и молодые улыбчивые люди в бело-голубых курточках за «фирменным» прилавком.

Я невольно улыбаюсь, глядя на дочку. Когда она смотрит на продавцов, я не сомневаюсь, что она хочет стать продавцом мороженого, но о чем она думает и чего хочет, когда смотрит на вентилятор? Хоть и бывшая, но все-таки принцесса никогда не захочет стать просто вентилятором. Господи, откуда в детях этот живой, пронзительно острый и светлый интерес ко всему, что рядом, и почему он тускнеет с годами?..

Неожиданно прямо надо мной звучит:

– Здравствуйте!

Я поднимаю глаза и вижу улыбающееся, красивое лицо не просто принцессы, а Самой На-

стоящей Принцессы. Она одета в дорогое, какое-то воздушное платье, а ее тонкую породистую шею украшает немыслимое (немыслимое в теперешнюю жару и всеобщую бедность) сияющее колье.

Принцесса спрашивает:

– Вы не узнаете меня?

Не-е-ет... Но кажется... Я вдруг вспоминаю летний пляж, Сашку и «Наташу Ростову». Впрочем, снова нет! Конечно же, это не «Наташа». Сходство – неуловимое, невесомое, но существенное, – как маскировочная сеть – несомненно, есть, но все-таки это не та «Наташа».

Я растерянно пожимаю плечами.

– Разрешите присесть?

Принцесса садится и не без интереса рассматривает мое лицо.

– У вас глаза круглые, как у совы, – говорит она. – Мы встречались пять лет назад. Ну, вспомнили пляж?

– Конечно, вспомнил.

– Ну, а дальше?.. – на прекрасном лице Настоящей Принцессы появляется чуть капризная гримаса. Впрочем, она тут же смягчается мягкой и благосклонной улыбкой.

Я едва не бью себя ладонью по лбу: Боже мой!.. Это же та девушка в красном купальнике! Когда мы с Сашкой вернулись на пляж, «Наташи» уже не было, и Сашка познакомился с высокомерной красоткой в красном купальнике.

– Вспомнил, – я киваю. – Вы здорово изменились, но только в лучшую сторону.

Принцесса улыбается:

– Это комплимент?

Я так мотаю головой, что со лба срывается капелька пота и падает на стол. Я не вру. В Настоящей Принцессе уже нет ничего от прежней чуть вульгарной, выпирающей наружу и яркой красоты, нет ни единой лишней или не доведенной до совершенства черточки. Но главное в другом: Господи, откуда в ней столько всего (и чего именно?!) от скромной девочки, которую я когда-то в шутку назвал «Наташа Ростова»? Это как маска из тысяч и тысяч невидимых нитей, и такое невозможно воплотить в жизнь даже в самом дорогом косметическом салоне.

Принцесса говорит:

– Меня зовут Лена. А вас?

– Алексей.

– Неужели и в самом деле прошло целых пять лет, Алексей?

Я немного смущено киваю.

– Но, по-моему, нам не стоит жаловаться на время, – Лена бросает мимолетный взгляд на Женю. – У вас чудесная дочка, – и тут же, не меняя тона и выражения лица, спрашивает: – А как Саша?

Тогда с пляжа я уехал один. А Сашка остался со своей новой знакомой, то есть с ней, Леной. Меня немного позабавила его внезапная говорливость. Сашка легко забыл о юной «Наташе Ростовой», проявил удивительное упорство, и в конце концов высокомерная пляжная красотка перестала замахиваться на него тапочком. Она стала улыбаться. Что ж, у Сашки был шанс, и он сумел его использовать, даже порядком разозлив девушку своим изначальным невниманием.

Я глухо говорю:

– Сашка погиб.

Пауза.

Женский крик:

– Когда?!

Снова пауза.

– Через три дня... – я говорю медленно, с трудом подбирая слова. – Мы были на пляже в субботу, а он... (я проглатываю жуткое слово) ... в среду поздно вечером. Поехал к матери в деревню. Водитель встречного автобуса уснул за рулем, и автобус вынесло прямо на «Жигули»...

Я замолкаю. Я мог бы еще сказать, что встречный удар снизил скорость переполненного людьми автобуса, он опрокинулся на бок и сполз в кювет уже боком. Никто из пассажиров не погиб, но «Жигули» превратились в расплющенную консервную банку. Потом экспертиза обнаружила в Сашкиной крови алкоголь – какие-то довольно высокие «промилле». Перед тем как сесть за руль, он выпил что-то около стакана водки.

Почему Сашка вдруг решил поехать к матери именно в среду и почему нельзя было потерпеть до выходных? Он сказал, что его ждут какие-то очень важные дела в субботу и что он бросает пить. Но есть такой непреложный закон – даже аксиома – для человека, увлекшегося алкоголем: чем больше ты думаешь о том, что нужно «завязывать», тем сильнее тебя одолевает алкогольная тоска. Сашка не пил уже три дня, а в тот злополучный вечер не сумел справиться с собой. Дорога в деревню занимала семь часов. Сашка наверняка решил, что протрезвеет к приезду, что не будет пить в деревне и что за пару дней сумеет поправить крышу дома. Мать очень сильно переживала за Сашку после его развода, и он не хотел, чтобы она видела его пьяным. Один стакан водки был для Сашки минимальной и легкопереносимой «дозой», а семь часов пути казались ему бездной времени. Трудно сказать, повлиял ли стакан водки на аварию и не отнял ли у Сашки ту долю секунды, когда он еще мог вывернуть руль в сторону от летевшего навстречу «времени», которое вдруг превратилось в бездну.

– Боже мой! – говорит Лена. Она закрывает лицо ладонями. – Боже мой!..

Я замечаю дорогой перстень на среднем пальце левой руки и кольцо на безымянном правой.

Когда Лена отрывает ладони от лица, я снова и едва ли не с суеверным страхом вижу, как сильно оно теперь похоже на лицо «Наташи Ростовой». Черт бы меня побрал, и главное, снова непонятно, чем именно!.. Выражением лица? Сглаживающей мягкостью едва уловимых черточек возле глаз?.. Взглядом?.. Благородным поворотом головы?.. Впрочем, моя первая мысль о маскировочной сети, пожалуй, была самой точной. Хотя... Возможно ли такое удивительное сходство без чего-то такого, что произошло внутри самого человека?

– Мы встречались с Сашей в воскресенье, понедельник и вторник, – глухо говорит Лена. – Никуда не заходили, ни в кино, ни на дискотеку... В кафе разве что, да и то пару раз. Мы просто бродили по улицам, говорили и много смеялись. Саша был великолепным рассказчиком... хотя... нет, не так! Он не просто болтал языком, понимаете? Мне было очень интересно с ним. Саша... Он был не таким, как все. Не свихнувшимся, что ли?.. Он был, как Робинзон Крузо. Весь мир уже давно сошел с ума, а Робинзон живет на острове и строит большую лодку...

Я с трудом отрываю взгляд от стола. На лице Лены – растерянность. Она нервно теребит кончиками пальцев неизвестно откуда взявшийся платок и смотрит в окно. У нее влажные, чуть покрасневшие и удивительно живые глаза.

Я вдруг вспоминаю телеграмму Остапа Бендера подпольному миллионеру Корейко из «Золотого теленка»: «Графиня изменившимся лицом бежит к пруду». Интересно, а с какой скоростью должна бежать графиня, чтобы, например, превратиться в юную «Наташу Ростову»?..

– Я понимаю, почему вы так смотрите на меня, – говорит Лена.

...Не-е-ет! Для превращения важна не скорость, не грация излома рук и даже не выражение страдающего лица графини. Она может лететь к пруду на крыльях, даже стоять над ним и целый час смотреть в темную воду, но только от этого она никогда не превратится в «Наташу». Сеть – маскировочная сеть! – все-таки была наброшена изнутри. Красавица в красном проиграла «Наташе» на пляже, и обида за это перевернула ее. Она вдруг поняла, что «Наташа» оказалась сильнее ее.

Я спрашиваю:

– И почему же я так смотрю на вас, Лена?

– Вы словно злитесь и одновременно удивляетесь чему-то. Наверное, вы думаете, что если бы не я, то Саша был бы жив. Так?..

– Не так. Если вы помните, мы уехали с пляжа и вернулись, потому что так захотел Сашка. А я не смог остановить его. Вы тоже пытались оттолкнуть его, но не смогли.

На лице Лены появляется растерянная улыбка:

– Вы и это помните?

Я опускаю глаза и киваю. Мне уже кажется, что я схожу с ума: сходство Лены и «Наташи Ростовой», каким бы невозможным оно ни было, все-таки огромно. Горестно заламывающая руки графиня каким-то самым фантасмагорическим образом похожа на юную, неопытную девушку.

Мне нужно что-то сказать вслух, и я говорю:

– Как вы живете, Лена?

– Отлично!.. – Лена вытирает платком глаза и улыбается. – Просто превосходно. Знаете, зачем я подошла к вам? Чтобы рассказать, что я наконец-то выхожу замуж, и чтобы вы потом рассказали об этом Сашке.

– Вы до сих пор злились, что он не пришел на свидание в субботу?

– Я и злилась, и ревновала. Я ведь видела, как он смотрел на пляже на ту девочку в синем купальнике...

– Не помню такого, – быстро вставляю я.

– Ах, не надо!.. – спрятав в сумочку платок, Лена делает удивительно грациозный то ли прощальный жест, то ли взмах кистью руки, с помощью которого подзывают официанта. – Да, наверное, я ревновала и очень сильно. Я три дня дразнила Сашку, хотя ни разу не сказала вслух о причине своей ревности. Я водила его по улицам и смеялась над его шутками, а сама... Господи, да что же это такое?! – Лена снова достает из сумочки платок и прикладывает к глазам. – Мне было очень хорошо с ним. Очень легко и свободно. А еще... Чисто, что ли?

– Как это чисто? – не удерживаюсь я от вопроса.

– Сама толком не знаю. Ну словно как-то по-детски, что ли?.. Мы ведь даже не целовались. А теперь, – Лена как-то излишне резко сует платок в открытую сумочку, на полсекунды наклоняет лицо, и, когда поднимает его, на нем уже нет слез: – А теперь я выхожу замуж и уезжаю.

Я отлично понимаю, что она уезжает за границу, но все-таки спрашиваю:

– Куда?

– Во Францию. У меня будет чудесный муж.

Я думаю: да-да, Настоящая Прекрасная Принцесса с лицом утонченной графини и чистыми глазами страдающей юной девушки достойна огромного счастья. А сейчас его — такого дорогого! — просто нет в России. У нас плохо работают даже дворники и медсестры. У нас счастлив только сильный, но это уродское счастье Карабаса-Барабаса.

К столику подходит рослый молодой человек с красивым, но неприятным, словно застывшим в усмешке, лицом. Он наклоняется к Лене и говорит:

– Элен, нам пора.

«Элен?!.. Почему вдруг Элен? – думаю я, но тут же спохватываюсь: – Ах, да, Франция...»

Молодой человек бросает на меня мимолетный взгляд и мне становится не по себе. В его ледяных, змеиных глазках нет ничего человеческого.

Лена встает:

– Да, к сожалению, мне пора... Прощайте, Алексей.

– Вы тоже прощайте... Лена.

Я чуть было не произношу «Элен», но вовремя сдерживаюсь.

Они идут к дверям кафе. Рослый красавчик чуть приобнимает Лену за талию. Она резким движением отстраняет его руку и отходит на шаг в строну.

Выйдя на улицу, парочка направляется к дорогому «Вольво». Красавчик садится за руль, Лена – на заднее сиденье.

Я почему-то думаю об ошибках, от которых никто из нас не застрахован. Каких ошибках?.. Понятия не имею!

– Красивая тетя, – говорит маленькая Женечка.

Я вздрагиваю и с удивлением смотрю на дочку.

– Я здесь, папа, – Женечка понимающе улыбается. – И я уже наелась. Кстати, где мой платочек?

У Женечки нет шикарной сумочки, но у нее есть карман папы. Мы идем к выходу. Женечка берет меня за руку.

– Красивая тетя, – повторяет она. – Только странная какая-то...

Она замолкает.

– Почему странная? – спрашиваю я.

Женечка долго думает и отвечает только тогда, когда мы выходим на улицу и погружаемся в теплое июньское марево.

– Она мне мышку напоминает, – серьезно говорит Женечка. – Мышку в мышеловке.

ФОТОГРАФИЯ ТРЕТЬЯ: ХРАМ, 20 МАЯ 2012 ГОДА

Загадка ночного сна в храме непостижима. Чаще всего этот короткий сон действует как сильное лекарство: он освежает и уходит без следа. Как морская волна, наверное, она смывает чужие следы и не оставляет своих.

Смотрю на телефон: 04.07. За окном совсем светло, но, судя по всему, солнца еще нет.

«Если нет, то скоро будет...» – простейшая мысль тянет за собой улыбку.

Улыбку над чем?.. Ни над чем. О чем?.. Ни о чем.

Я не помню, чтобы меня когда-нибудь тянуло в зевоту после сна в храме или хотелось потянуться. Ну только если сильно выматываешься днем, вечером, ночью (мало ли какие проблемы у сторожа?), и сон продолжается до постыдной половины шестого. Тогда – да. Тогда утренний сон может навалиться, как тяжелый медведь, со всеми вытекающими последствиями – вплоть до ломоты в пояснице, кашля и даже головной боли.

Встаю. Иду наружу. Благо, что не приходится одеваться – разве что надеть шлепанцы. В храме стоит удивительная тишина. Это не затишье временно угомонившейся улицы или сонное безмолвие спальни, тишина храма совсем другая. Она – тишина высоты, чистоты и свободы.

Спускаюсь вниз по высоким порожкам и «закуриваю» электронную сигарету. Я так и не смог бросить курить по-настоящему. Ведь я – писатель. А когда пишешь, эта «собака» – сигарета – сама прыгает тебе в рот, как настоящая собака в цирке через обруч.

Оглядываюсь и выпускаю струйку ароматного пара. Там, на дороге за тонкой полоской деревьев, катят маршрутки и автобусы. В салонах горит яркий желтый свет, похожий на свечной.

О мои ноги трется кошка.

Я улыбаюсь:

– А-а-а!.. Привет, безобразница.

Мы познакомились с кошкой еще осенью. Тогда она была худым, жалким и бело-рыжим котенком. Кошка жадно ела одно печенье за другим. Но потом, позже, она как-то устроилась... Потолстела даже. И теперь ее шубка удивительно чистая и мягкая. Я называю ее «Белые лапки, рыжий хвостик».

Я нагибаюсь и глажу кошку.

– Как дела?

Кошка громко урчит. Она часто приходит ко мне утром или вечером. Иногда мы гуляем по церковному двору. Когда я рядом, кошка становится очень смелой. Она может запросто сделать выпад в сторону пробегающей мимо собаки или вскочить на парапет лестницы, чтобы нырнуть под мою ладонь. Иногда мы так и поднимаемся к двери храма, я – по порожкам, кошка – по парапету.

Кошка поднимает голову и спрашивает меня: «А на ручки, пожалуйста?»

Я беру ее на руки. Урчание становится еще громче. Кошка смотрит по сторонам: «А там что? Ой, а там?..»

Маленькое тело напряжено. Мир вокруг полон для кошки опасностей и приключений. Ах ты, хищник крошечный!.. Впрочем, какой из тебя хищник, тебя же любой обидеть может.

Кошка смотрит на меня.

«Поймать и съесть», – говорит мне ее смелый взгляд.

Я улыбаюсь:

– Кого?.. Всех поймать и всех съесть?

Кошка отворачивается. Она прогибает спину: «Ну гладьте же меня, гладьте. Не жалейте!..»

Я глажу и через минуту отпускаю кошку. Иногда она уходит, но сегодня – нет. Она снова трется о ноги.

Сзади раздается четкий стук каблучков. Территория возле храма – проходная, и мы не закрываем ворота на ночь.

– Извините, пожалуйста!.. – окликает меня женский голос.

Я оглядываюсь. Ко мне, свернув с прямого

пути от задней калитки до центральных ворот, идет молодая, виновато улыбающаяся, рыжеволосая женщина. На ней белый костюм и рыжие туфельки.

– Вы не могли бы... – начинает она еще издали. Она достает кусочек бумаги из кармана и протягивает его мне. – Пожалуйста!

Это записка в киоск. Как правило, их оставляют к какой-нибудь дате.

– Мне на работу, а киоск откроется только в семь, – поясняет женщина, хотя, конечно же, это лишнее. – Мужу три года...

Странное выражение, но говорят именно так, а не «муж (или кто-то там) умер три года назад», говорят, пропуская страшное слово. Странно? Да. Иногда, сами того не замечая, люди считают возраст смерти так, словно она живое существо.

Я едва успеваю взять записку, как в сумочке женщины раздается требовательный телефонный звонок.

– Да?.. – она прикладывает желтый, сверкнувший золотом смартфон к уху. – Ах, это уже опять ты?..

Женщина отходит в сторону на пару шагов. Она смеется.

– Я так и знала. Ну и что же еще от тебя ждать?..

Я думаю о том, что три года – большой срок, а женщина еще совсем молода. Ей только тридцать пять или около того. Она – «Белые лапки, рыжий хвостик».

Для большинства людей церковь связана с воспоминаниями о смерти или молитвами о здоровье. Крещения и свадьбы вспоминают реже. Может быть, потому что первые два «надо» значительно тяжелее и мрачнее вторых.

Мне почему-то врезалось в память одно утро: был обычный летний день, и, потому что опоздала сменяющая меня дежурная, я сам стал зажигать свечи. Я подносил желтый огонек к лампадке или свече – и огоньков становилось два. Все двери храма были открыты настежь, но еще никого, кроме меня, не было. Что врезалось в память? Океан чистого, сияющего света, и там, за распахнутой дверью, громкое пение птиц. А еще желтый, крошечный и живой огонек в ладонях и удивительно пронзительное ощущение своего «я». Там, снаружи, такое ощущение бывает только во время тяжелого кризиса. Оно связано с болезненным изломом, преодолением или катастрофой. И только в храме – нет.

Женщина уходит. «Белые лапки, рыжий хвостик» становятся на задние лапки и тянут вверх большеглазую мордочку.

– Пора ворота открывать, – говорю я кошке. – Пойдешь со мной?

Пока я открываю ворота, кошка обнюхивает густые заросли цветов. Она оглядывается. И в ее взгляде снова знакомое: «Поймать и съесть!»

– И не надоело тебе охотиться? – спрашиваю я. – Нельзя быть таким уж хищником.

Я возвращаюсь к церкви, снова «курю», а потом поднимаюсь по порожкам. Кошка снова рядом. Она прыгает на высокий парапет, бежит рядом и пытливо смотрит вверх: «Ой, а на ручки, пожалуйста?»

– Иди домой. Тут собаки бегают. Пойми, глупенькая, ну кого ты можешь тут съесть? А вот тебя запросто скушают.

Останавливаюсь и открываю дверь... Кошка забегает в храм.

– Стой, ты куда?!

Но кошка меня не слышит. Точнее – не хочет слышать. Она бежит в сторону колокольни. Я быстро иду следом.

– Стой!

Кошка, конечно, не останавливается. Она чуть меняет направление «влево-вправо» и деловито оглядывается по сторонам. Я ловлю нахалку уже на лестнице в колокольне. Но кошка по-прежнему не обращает на меня внимания. Она жадно осматривается по сторонам. Все-таки какая она удивительно сильная!.. Ее крохотное тело похоже на пружину и готово к мгновенному рывку.

Ну что ты крутишься? Кошка смотрит-смотрит-смотрит: направо, налево, вверх...

«Ой, а что у вас там?.. Ой, а там?.. А во-о-он там?»

Я глажу кошку. Она бросает на меня мимолетный взгляд: «Скажите, пожалуйста, а у вас тут птички есть? Ну те, которых можно поймать и съесть».

– Нет.

Кошка не верит. Она взбирается мне не плечо, чтобы получше оглядеться вокруг.

– Сиди тихо, разбойница.

Придерживая рукой кошку на плече, я выхожу наружу.

Первое, что я вижу, – темная «иномарка» у киоска, а потом – худенькую женскую фигурку возле порожков. Женщине вряд ли больше сорока. Она одета в светлый деловой костюм, ее лицо кажется мне удивительно знакомым.

– Здравствуйте, – улыбаясь, говорит она. – Сколько лет, сколько зим! Не узнали?..

Наверное, я так сильно морщу лоб, что кошка на моем плече вдруг тянет лапку к моему носу.

– А кошка вам зачем? – смеется незнакомка. – Вы с ней мышей в церкви ловите?

Да-да, конечно же, я уже где-то видел это красивое лицо и бойкие, веселые глаза. Правда, давно... Я стаскиваю кошку с плеча. «Белые лапки, рыжий хвостик» лениво сопротивляются, потому что кошке уже интересней женщина, а не я.

– У меня там подруга живет, – незнакомка кивает на «многоэтажки» за моей спиной. – Вчера, когда к ней ехала, вас увидела. Вы мало изменились, хотя последний раз мы виделись с вами семнадцать лет назад. Или уже все двадцать два, если вести счет от первой встречи.

Я наконец-то узнаю Лену и совсем не удивляюсь тому, что у меня не получилось сделать это сразу. Ну, во-первых, если там, на пляже, а затем в кафе ей было что-то около двадцати пяти – тридцати лет, значит, теперь почти пятьдесят. Но ей не дашь больше «к сорока, но не очень». Во-вторых, глаза: уже теперь на светлом и утонченном лице «Наташи Ростовой» сияют глаза прежней взбалмошной и не очень-то деликатной пляжной красавицы.

– Вижу-вижу, теперь узнали, – Лена медленно поднимается по порожкам. Она кладет руку на парапет и, делая очередной шаг, хлопает по нему ладошкой. – Ну и кто кого поколотил за это время: я – время или оно меня?

Я улыбаюсь, и, наверное, моя улыбка получается очень теплой – в глазах Лены вспыхивают задорные искры.

– Конечно же, вы побили время, Лена.

– Врете?

– Чтоб я провалился сквозь эти порожки!

Лена останавливается рядом и чуть прикасается губами к моей щеке.

– Ну, здравствуйте, Алексей.

– А тебя я не знаю, – обращается она к «Белым лапкам», – и поэтому целовать не буду. Хотя ты и красивее меня.

Я отпускаю кошку, и когда поднимаю глаза, Лена уже надевает на голову голубой, воздушный платок. Ее лицо становится серьезным.

– Я зайду, – она кивает на дверь церкви. – Ненадолго.

Я киваю. «Белые лапки» идут вслед за Леной в храм, а я спускаюсь вниз. Достаю «сигарету». Выпускаю облачко пара и бездумно смотрю на него. Мне не хочется строить догадки о том, что вскоре расскажет мне Лена. Я думаю о погоде. Я думаю, о том, что лето, пожалуй, уже началось и это будет чудесное теплое лето.

Лена выходит из церкви минут через десять. Следом за ней – «Белые лапки».

– Подружились? – я киваю на кошку.

– Она хорошо себя вела, – широко улыбается Лена. – Что вы курите, Алексей?

Я показываю электронную сигарету.

– А я бросила курить, но сейчас не удержусь. Кажется, у меня в машине не так давно забыли пачку сигарет. Идемте, я покурю там, за воротами... Точнее, за вратами. Ведь вы не совсем сторож, Алексей, вы еще немножко страж.

Лена достает из машины не только сигареты, но и что-то для кошки. Этого «что-то» довольно много, «Белые лапки» жадно едят и теряют к нам всякий интерес.

Лена курит, по-мужски пряча сигарету в ладони. Она смотрит на еще неяркое утреннее солнце и щурится.

– Я сбежала из Франции четыре года назад, – наконец говорит Лена. – Взяла детей и сбежала. Короче говоря, все знакомые и родственники объявили меня полной дурой. Возможно, в этом есть доля правды, потому что я и сама толком не знаю, почему я сбежала.

– Неплохо жили?

– Почти отлично. У меня был чудесный муж – умный, интеллигентный и очень добрый человек. Но Жана застрелили в его рабочем кабинете. Я не совала нос в бизнес мужа, но, как оказалось, Жан имел дело чуть ли не с десятком преступных группировок. Торговля и перепродажа оружия и что-то еще, мягко говоря, не совсем законное. Я узнала об этом только тогда, когда компаньона Жана осудили на пятнадцать лет.

– Тоже интеллигентного и умного человека?

– Не смейтесь, пожалуйста! – Лена весело щурится на солнце и в ее глазах снова появляются веселые искры. – Понимаете, там так устроено, что... я не знаю... ну, как сказать-то?.. там никого не волнует, какой у тебя бизнес. Но вне этого бизнеса ты должен быть умным и интеллигентным человеком, – Лена усмехается и на ее щеке появляется чуть заметная жесткая морщинка. – Человек не ангел. Любой из нас. А бизнес – это не только фирма, но и форма принуждения человека. Возможно, в России я привыкла к другому... – Лена поднимает руку и осторожно касается пальцем морщинки на щеке. – Точнее, к другой форме принуждения.

Лена замолкает.

– Какой форме?

– Трудно сказать, какой, но все-таки чуть-чуть другой. Но не в этом главное. Знаете, мы, женщины, склонны подсознательно делить мир на то, что будет полезно перенять, и то, на что не стоит обращать внимания. Например, зебра переняла цвета саванны, лев – окраску пустыни,

а коралловые рыбки цвет своего «дома». К этому их... нет, не вынудила, а... я не знаю... это подсказала им сама жизнь. Заметьте, она подсказала не какое-то искусственное построение вроде человеческой фирмы, в которой нужно горбатиться против своей воли, а форму самой жизни. Эта форма принуждения настолько естественна, что ее трудно назвать насилием. Ну, например, не назовете же вы компьютерную программу формой принуждения компьютера?

– А у вашего мужа была совсем другая программа?

– Да. Но он всегда был очень добр ко мне и детям. Жан умел решать все жизненные вопросы, и, поверьте на слово, выражение «жить как за каменной стеной» иногда находит свое реальное воплощение в жизни...

Пауза. Длинная... Лена думает. Она мельком смотрит на меня, словно я должен подсказать ей, о чем она должна сказать.

Лена опускает глаза и усмехается:

– Я удрала из Франции, потому что мне нечем было дышать, и это была совсем не ностальгия, а гораздо худшая болезнь, – Лена достает из пачки вторую сигарету и прикуривает ее от первой. – И мне буквально жгло лицо. Утром меньше всего, днем все было более-менее терпимо, а ночью я не могла уснуть. Я прошла всех врачей, но у меня не нашли даже элементарной аллергии... Мне сказали, что все дело в нервах.

– А дело было в форме принуждения?

– Да! – Лена улыбается, но ее улыбка вдруг кажется мне бессильной. – Цветной дом коралловой рыбки рухнул, и она оказалась в центре океана. Конечно, можно было бы построить другой дом. Например, у Жана была парочка вполне легальных фирм. Правда, такая форма принуждения к жизни казалась мне чересчур жестокой. Я поступила проще, через полгода после смерти Жана я нашла, так сказать, проверенного мачо и пустилась во все тяжкие. В рамках приличий, конечно. Ну, как в «Графине и ее шофере»...

Я громко кашляю. Мой кашель звучит так же естественно, как автомобильный клаксон в райском саду. Лена снова усмехается.

Она с каким-то больным интересом смотрит на меня и спрашивает:

– Что-то не так, страж?

– Ничего, продолжайте, пожалуйста. Только без интимных подробностей, прошу вас.

– Их... – она смеется, – их бин, конечно же, не будет. Знаете, потом я часами отмокала в ванной от этой порнографии. Это было просто незабываемое ощущение абсолютной пустоты. Почему возвращалась к ней опять? Тут дело не только и не столько в физиологическом желании. Я была как дикарка-вдова Гая Юлия Цезаря после его смерти...

– Цезарь женился на Клеопатре.

– ...А потом он умер, и эта дама наделала массу дурацких ошибок. Но сколько бы я их не совершила, мне было все теснее и теснее жить. Вся беда в том, что океан, в котором оказалась аквариумная рыбка, оказался очень тесной комнатой. Иногда, когда я оставалась одна, мне хотелось разодрать ногтями свое лицо.

– Послушайте, Лена, а почему вы не вышли замуж еще раз?

– А за кого? За очередного Жана?.. Пардон, но я уже стала дикаркой, познавшей нецивилизованную свободу. Я ведь и была такой здесь, в России... Кстати, потенциальные мужья были.

Они даже знали о мачо, но поскольку все было в рамках приличий, – мол, женщина немного расслабилась после законного брака – все терпеливо, а главное, с пониманием ждали. Там... – Лена поднимает руку с зажатой сигаретой и показывает большим пальцем за спину, – там все на виду, даже если это у тебя все внутри. По крайней мере так должно быть. Прячут только больное. Именно поэтому я не прятала своего мачо, и все решили – это естественно, а что естественно, то не безобразно. Это мерзость?.. Нет, общежитие. Общее бытие, в котором ты должен доказывать, что ты не опасен для соседей. Мне нужно было вывернуться наизнанку, я вывернулась и вдруг с ужасом поняла, что я забыла что-то главное...

Лена говорит очень быстро, и я теряю ход ее мысли. Я вспоминаю пляж. Что там, в сущности, произошло? А ничего особенного: удивленная своим поражением красивая брюнетка в красном купальнике одолжилась милым личиком у юной «Наташи Ростовой». Снежная Королева решила стать Гердой. И все!.. Но эта трагедия почему-то затянулась на двадцать два года.

– О чем вы думаете, страж? – обрывает мои мысли Лена.

– О вас, конечно. Иногда по вечерам в храм приходят люди, и я долго говорю с ними. Но с ними легче... Я не знаю, чем я могу помочь вам.

Лена выбрасывает сигарету и резко отворачивается. Она смотрит на храм.

– Вы не сможете, – глухо говорит она. – Потому что я сама толком не знаю, что со мной. Я вижу какие-то осколки «разбитого вдребезги», но чего?.. Я не вижу целого, понимаете? Я убежала из Франции, но здесь, в России, мне стало легче только на чуть-чуть.

– Вам нужно вернуться на двадцать два года назад.

– Зачем?

– Там, на пляже, вы могли бы и не заметить Сашку.

Лена подносит руку к лицу, но не прикасается к нему, словно боится сделать это, а поправляет прическу.

– Знаете, Алексей, я стала много думать после того, как вернулась. Раньше не замечала за собой склонности к философии, но теперь... Вот скажите мне, страж, что такое свобода? Это цивилизованная воля навести порядок на своей ночной тумбочке или это чисто человеческое «не хочу этого делать», за которое мы все имеем право зацепиться? Там, во Франции, я не захотела приводить в придуманный – придуманный не мной, а кем-то! – порядок мою личную жизнь. Это плохо?.. Но чем? Чем неживая система расположения вещей лучше, а главное, теплее живого беспорядка? Нужно проявлять волю?.. К чему? К тому, чтобы каждый день перебирать вещи? Да, для меня это не сложно. Но уже потом, глядя на этот порядок, мне вдруг становилось тоскливо и скучно...

– А чем веселее второе? – все-таки возражаю я и улыбаюсь. – Однажды я перепутал глазные капли с жидкостью для электронной сигареты. Вот радости-то было!.. Потом вслепую искал кран на кухне и в спешке чуть не разбил себе коленку.

Лена смеется. В ее глазах снова задорно светятся задорные огоньки пляжной брюнетки.

– Все так, все так!.. Простите, а когда вы искали кран, сколько раз вы назвали себя дураком?

– Раз сто, не меньше.

– Теперь ответьте, пожалуйста, если бы вы

навели порядок на тумбочке, была бы тогда у вас – нет, не желание, а возможность – назвать себя дураком?

– Нет. И что из этого?

– Скажите, а вы всегда делаете только умные вещи?

Какое-то время я молча любуюсь веселыми бесенятами в глазах Лены.

– Ну не всегда...

– Вот видите. А теперь представьте, что вы вдруг стали настолько правильным человеком, что... я не знаю... ну, словно бы деревянным, автоматическим болваном, и вам совершенно не за что себя выругать. Вы были бы счастливы?

– Мне все-таки больше нравится порядок.

– Мне тоже. Но для того, чтобы узнать, зачем это нужно, однажды стоит забыть навести этот порядок.

– Кажется, противный и мудрый ужик в «Песне о соколе» Горького заявил, что он понял, что такое счастье полета. Он сказал, что «оно – в паденье».

– Да не так же!.. Не так. Вопрос в том, почему вы забываете о привычном порядке, понимаете? Почему вы утром перестаете перебирать привычные вещи, и даже не взглянув на эту чертову тумбочку, встаете и, ругая себя, плететесь на кухню готовить кофе. Почему сбивается ваша компьютерная программа, вот в чем вопрос, – Лена смотрит на догоревшую до фильтра сигарету и морщится. – Ведь сколько раз давала себе слово! У вас где вода?

– Там, – я показываю на кусок пластиковой трубы, торчащий из земли возле противоположенной воротам задней калитки. – У нас скважина и лучшая в городе вода.

– Так уж и лучшая?

– Идемте, сами попробуете.

Лена пьет воду, подставляя под упругую струю воды сомкнутые ладошки.

– А ведь вы правы, страж, – Лена светло улыбается. – Наивкуснейшая!..

Разговор уходит в сторону, и мы говорим о воде, а потом о погоде. Лена касается прежней темы, лишь когда мы направляемся к ее машине.

– Что Франция?.. Ну Франция и Франция, что с нее взять-то? – говорит Лена. – Пожили там, теперь поживем дома. Меня как-то раз сын спросил: «Мама, а почему мы так долго не возвращались?» Пришлось посылать его за ответом к дедушке. Знаете, Алексей, у меня просто замечательный папа. Бывший военный, ему уже за восемьдесят, но он такой патриот, что... – Лена щелкает пальцами, поднимает вверх большой палец и смеется. – В общем, просто ужасный. Теперь самая любимая вещь Мориса – пилотка образца сорок пятого года. Дед и на демонстрации его водит. Ну там, типа, «За Родину, за Сталина!» Морису теперь четырнадцать, его на шею не посадишь, но дед все равно доволен. Говорит, что все исправит, время есть...

Лена смеется, целует меня в щеку и говорит: «До скорого, страж!..»

ФОТОГРАФИЯ ЧЕТВЕРТАЯ: ТЕРРИТОРИЯ ХРАМА, 15 МАЯ 2017 ГОДА

...Начало мая выдалось капризным и прохладным. Это значит, что ночью в храме будет холодно, и мне пришлось надеть теплый свитер.

За десять минут ходьбы моя спина покры-

вается испариной. Сегодня понедельник, и вечерние улицы не столь многолюдны, а на дороге мало машин. Их гул режет тишину, как нож толстый торт на порционные куски.

За дверью храма меня ждет дежурная. Именно ждет – она стоит в трех шагах от двери, и я сразу же натыкаюсь на ее любопытствующий взгляд. Чему-то загадочно улыбаясь, она протягивает мне конверт. На нем изображена Эйфелева башня. Еще не взяв конверт в руки, я успеваю прочитать на нем: «Стражу Алексию».

– Вам, – поясняет дежурная. – Еще днем какая-то симпатичная дама передала. Иностранка, что ли?

Дежурная вопросительно смотрит на меня.

– Москвичка, – коротко отвечаю я.

– А-а-а!.. – понимающе тянет дежурная.

Секунд десять она еще смотрит на меня, но, наконец-то поняв, что я не буду вскрывать конверт в ее присутствии, берет в руку сумку.

– Ну, я пошла?

– С Богом.

Женщина истово крестится:

– Спаси и сохрани, Господи!..

«Спаси и сохрани...» – мысленно повторяю я.

Я не жду плохих вестей, но почему Лена – а то, что это она, я понял не столько по Эйфелевой башне, сколько по шутливой надписи – вдруг решила передать мне конверт? Странно немножко... Жизнь любит преподносить сюрпризы и в более безобидных ситуациях.

Одергиваю себя: ты что, боишься, что ли?!.

Дежурная уходит, и я рассматриваю конверт. Нет, я не боюсь. Я просто устал, как старая лошадь. Масса дел, и не знаешь, за какое схватиться... Жизнь, в общем. А внутри конверта нет ничего необычного. Наверное, только записка. Что-то вроде «заезжала днем к подруге и не стала вас ждать». А потом простые вопросы «Как вы?..» или «Не болеете?..», на которые я смогу дать ответ только самому себе.

Продолжая рассматривать конверт, я отхожу к окну. Я думаю о том, что в жизни и так полно мелочей, на которые не стоит обращать внимания. Что мне может написать Лена?.. Ни-че-го!.. Потому что ни она, ни я не в силах ничего исправить. И потому что прошлое – только фотография с той лишь разницей, что это фото невозможно сжечь или порвать. А еще встретиться со многими из тех людей, которые на ней изображены.

Вот фотография первая – пляж. Разве я в силах вернуть к жизни Сашку, а Лена справиться со своей ревностью? Все запечатлено и зафиксировано. Что можно изменить?.. Я не могу отменить ночную грозу, которая выгнала нас из города, или утащить Сашку в реку, чтобы он не глазел на наивную и юную – настоящую! – «Наташу Ростову». А что может изменить Лена? Возможно, она и смогла бы что-то, но для этого ей нужно снова встретиться с «Наташей», чтобы вернуть ей лицо. А разве такое возможно? Разве можно снова встретиться с той, которую случайно видела на пляже много-много лет назад?

Вот фотография вторая – кафе. Я не должен был говорить Лене о смерти Сашки?.. Почему? И что это изменило бы в ее жизни?.. Я допускаю мысль, что тогда она не вернулась бы в Россию, потому что не существовало той болезненной зацепки в душе, которая заставила ее стараться понять, что же произошло там,

на пляже. Но что, в сущности, произошло?.. А ничего. Точнее, почти ничего.

Фотография третья – территория храма пять лет назад, не такое уж далекое прошлое. Но именно тогда мы оба, я и Лена, поняли, что прошлое невозможно изменить. И не только потому, что в одну реку нельзя войти дважды, а еще и потому, что на той стороне реки тебя уже никто не ждет.

Я рывком разрываю конверт. В нем нет записки, а только... фотография! На ней изображен юнец примерно двадцати лет в форме курсанта российского военного училища. У него чуть удлиненное лицо и тонкие усики, которые совсем не портят его. Товарищи, наверняка, прозвали его Французом. Рядом с курсантом девушка в платье невесты. У нее широко распахнутые, чуть испуганные глаза, и, возможно, она больше чем нужно склоняет голову к плечу юнца. «Наташа»!.. Меня вдруг тянет в улыбку, Боже, Боже мой, но эта девушка настолько похожа на ту самую «Наташу Ростову», что если бы мне сказали, что это она и есть, я бы легко согласился. У «Наташи» длинная шея, маленькие, чуть припухшие губы и главное – главное! – глаза: удивительно светлые, чистые и бездонные.

Я переворачиваю фото. Сзади две короткие строчки: «Морис Жанович Бертье с супругой Наталией Сергеевной Росниной». И вторая строчка: «Ты все понял, страж?»

Я – понял. Лена нашла «Наташу Ростову». И теперь Лена – свободна. Человек не подделка, и когда рядом с ним вдруг появляется другой человек, с которого он когда-то, может быть, и помимо своей воли, нарисовал копию, эта копия теряет всякий смысл.

Я тихо смеюсь... Ай да Лена! Уж не она ли нашла супругу своему сыну? Наверное, она многое могла рассказать мне: о том, как Мориса Жановича не хотели брать в военное училище и как его старый, но еще грозный дед дошел «почти до министра»; как юная Наталия Сергеевна сначала побаивалась свою свекровь, а потом вдруг перестала, когда та дала понять сыну, что совсем не все его прихоти можно и нужно выполнять; и как потом, уже чуть позже, Наташа робко назвала Лену мамой.

«Ты все понял, страж?»

Я иду на улицу. Достаю электронную сигарету, «дымлю» паром и любуюсь его облачками. Я думаю о том, что, пожалуй, ничего не кончилось. Жизнь обладает одним удивительным свойством – она начинается каждый день до самого конца, и не знаю, как вы, а я верю в то, что она начинается и после. И она – не подделка подо что-то, пусть и действительно красивое. Впрочем, о чем это я?.. Это уже все знают наверняка. ■